

*Детские обиды со временем, как
вино, приобретают новые краски.*

* * *

Ему нравился звук плавящейся кожи.

Этот звук успокаивал, щекотал ухо, дарил ощущение власти и полного контроля.

— Пионер, хы-хы, всем пример, — сказал он и поднес гвоздь, зажатый в плоскогубцах, к начерченной отметке.

Святящийся кончик раскаленного железа выдавил из почерневшей кожи струйку дыма. Прожег, провернулся, наклонился из стороны в сторону, увеличивая диаметр отверстия.

— Ммм...

Он прикрыл веки, втянул запах гари и задержал дыхание.

Гвоздь раз за разом безжалостно впивался, без усилий насквозь проходил кожу.

«Интересно, а если я ей расскажу, как все подготовил? — рассуждал он. — Нет, я даже предложу ей самой попробовать. Да! Именно! Пусть сама. Это же так увлекательно. Достану новенькое шило, позволю взять мои плоскогубцы. Она оценит? — он на мгновение задумался и кивнул. — Она точно оценит».

Металл остыл и перестал светиться.

Он выдохнул, вернул острие на огонь и стал ждать, когда гвоздь снова нагреется.

Он не спешил.

Он наслаждался моментом.

Он фантазировал.

Он насвистывал мелодию, двигал плечами, рассуждал про себя и каждый раз смущался, когда замечал довольное, улыбающееся отражение на глянцевой поверхности старинного подноса.

За окном лил дождь.

■ Глава 1

Рамуте проснулась.

Не открывая глаз, проверила рукой соседнюю подушку, стараясь вспомнить, с кем сегодня уснула. С удивлением обнаружила, что в кровати, кроме нее, никого нет.

— Надо же...

Она потянулась.

Потерла лицо, опустила руку, пошарила ладонью по ковру и взяла с пола будильник. Неоднократно разбитый, перетянутый шнурком и скотчем, сегодня утром он едва успел пискнуть прежде, чем девушка сбросила его с тумбочки.

Рамуте сделала вдох, посмотрела на время, на окно, за которым высоко светило солнце.

— Черт побери, — она выругалась, выдохнула через нос, закрыла глаза и откинулась на подушку.

Будильник шумно укатился к стене.

«Двадцать минут четвертого. Проспала, — корила она себя. — Ну и жесть. Чтоб я еще раз так напилась».

— Больше никогда, — сказала она и подумала, что слишком часто в последнее время произносит эту фразу.

За окном рычали автомобили. Доносились звуки швейной машинки из ателье этажом ниже. Над потолком одиноко скребся и скулил пес, которого до вече-

ра бросили хозяева. Снаружи полно бесящих звуков, а еще этот гул внутри, в ушах, и пульсация в висках, и похмелье.

— Вставай, — приказала она себе. — Все равно не дадут уснуть.

Рамуте сдвинула брови и резко открыла глаза.

На утренние занятия в академии опоздала. Но еще не все потеряно. До важной лекции, суперважной лекции, которую она обязана посетить, оставалось полтора часа.

Рамуте пообещала Роберту, что на этот раз не подведет, явится, и ему не придется снова ее отмазывать перед этим престарелым козлом — «У меня самый важный предмет во вселенной».

После прошлой лекции старикан сказал, что Рамуте никогда не сдаст ему экзамен. «Деточка, можете даже и не мечтать». Сказал, что лично проследит, чтобы Рамуте не смогла списать, что ей не помогут ни Роберт, ни его высокопоставленный папа. А еще старик сказал, что разного рода вызывающий макияж и до неприличия глубокое декольте его ни капельки не впечатляют, и попросил Рамуте застегнуться.

Идти не хотелось, но она пообещала, значит, сдержит слово. Значит, сегодня все сделает по инструкции. Она придет вовремя, будет изображать самую внимательную слушательницу, выдержит нуднейшую лекцию седого козла и, возможно, даже молча просидит до самого конца.

— Окей, — бодро произнесла Рамуте, скривилась от головной боли и повторила тише, практически шепотом: — О-оке-ей.

Рамуте отбросила одеяло, расшнуровала и сняла ботинки. Медленно села на край кровати, осторожно подвигала головой, разминая затекшую шею. Потя-

нулась к тумбочке за таблеткой. Надпись на упаковке стерлась, Рамуте по форме и цвету определила, что это за лекарство.

— Пойдет, — она зевнула, проглотила пилюлю без воды и одобрительно кивнула.

Достала из кармана смартфон, проверила сообщение — сплошная реклама.

«Блин, ну неужели это работает? — подумала она. — Кто вообще эти люди, что покупают товары после дурацких эсэмэс-рассылок?»

Рамуте поднялась, пошатываясь, подошла к шкафу и открыла его. Вытряхнула на пол вещи, порылась в ворохе.

— Откуда у меня столько хлама?

Она отпихнула коробку с платьем, которое ей подарил Роберт на день рождения. Вернее, с самой датой он не угадал, день рождения у Рамуте зимой, но Роберт отшутился, мол, это подарок на прошлый праздник, на тот, когда они еще не были знакомы. Возможно, так он пытался намекнуть, что его помощнице не мешало бы выглядеть поопрятнее. Так или иначе, но нераспакованная коробка несколько месяцев пылилась под ногами.

Рамуте поменяла носки на свежие. Надела чистую майку, заправила ее край в помятые джинсы, растрепала волосы. Открыла новую пачку сигарет, закурила и подошла к зеркалу.

— Уф, — она оттянула вниз веко и посмотрела на покрасневший от усталости глаз. — Мде... красotka.

После переезда в Москву Рамуте ни разу нормально не выспалась. Не получалось расслабиться без алкоголя, а когда все же удавалось отключиться, ее мучили кошмарные сны.

«Пора что-то с этим делать. Так дальше нельзя. В конце концов свихнусь».

Она растерла пяткой пепел, упавший на ковер.

«Бросаю все к чертям и возвращаюсь. Продолжу поиски. Я должна найти и арестовать... убить этого уroda. Весы не оставят меня в покое»¹.

— Не оставит меня в покое, — прошептала Рамуте, затушила сигарету, надела солнечные очки, которые забыл кто-то из ее многочисленных гостей, и направилась в аптеку за глазными каплями.

Прошагав два квартала, Рамуте свернула во двор и увидела заветную табличку «Лекарства» с художественно оформленным крестом на логотипе под надписью.

Здесь аптеки на каждом углу. Больше, чем дежурок, в Москве, наверное, только пивнушек. Слово все жители столицы только и заняты тем, что без памяти пьют да болеют.

«Еще злятся друг на друга», — закончила рассуждения Рамуте и зашла внутрь.

Людей в аптеке было немного.

Рамуте прочла надпись на старой, обмотанной пожелтевшим целлофаном табличке: «Извините, терминал временно не работает» — и встала в очередь.

Убедилась, что наличных хватит, и принялась выискивать на полках среди разноцветных коробочек нужный ей препарат. Придвинулась к витрине, стараясь прочитать на обратной стороне упаковки состав глазных капель, и почувствовала толчок в спину...

— Женщина, с дороги.

— М?

Рамуте обернулась и посмотрела на девушку, пытающуюся протиснуться вперед без очереди.

— Чего мычишь? Дай пройти, говорю.

— Вы ко мне обращаетесь?

---

¹ О маньяке Весы подробно рассказывается в романе А. Барра «Симфония кукол».

— А к кому? Стоишь на ползала, пялишься в витрину, а мне лекарство нужно. Свали.

— Свалить?

Рамуте ухмыльнулась.

— Да, в сторону, с дороги! Тупая, что ли?

«Прекрасно!» — подумала Рамуте.

Ей никогда не наскучит воспитывать и осаждать подрастающих расфуфыренных хамок, коих в столице, как оказалось, больше, чем пивных и аптек вместе взятых.

«Давай, дорогуша. Давай скажи мне свое “понаехали”. Губошлепка ботоксная», — подумала Рамуте и приготовилась применить к малолетней нахалке все свои навыки рукопашного боя, полученные на курсах.

Но тут же выдохнула, сосчитала до десяти, как ее учили на других, смежных курсах по контролю агрессии, и взяла себя в руки.

«Нужно хоть раз попытаться уйти от конфликта. Тем более Роберт практически умолял вести себя сдержаннее. Промолчу, а то опять припрется, опять будет весь вечер ныть о том, как я его подставляю, как он бедненький устал заниматься моими проблемами. Контроль гнева, контроль гнева, контроль гнева».

— Что зависла? Ау! В сторону, женщина.

— Девушка, я крайняя в очереди. Если вам нужно в кассу — будете за мной.

— Что? Кто ты такая, чтобы я была за тобой? — она подчеркнула «я». — Да ты не стояла! Когда я пришла, тебя вообще тут не было. Я видела, все видели, так что не прикидывайся.

— Эм...

— Ты думаешь, самая умная?

— Девушка, видите ли, как бы трудно мне это ни давалось, я все еще обращаюсь к вам на вы. Общаюсь за-

предельно вежливо. И все еще стараюсь быть любезной.

— Зачем?

— Чтобы избежать конфликта.

— Хах. Это ты что? Ты мне угрожаешь? Посмотри на себя, буренка. Да кто ты вообще такая? Подвинься, тетя.

Рамуте сжала губы и медленно, насколько это вообще возможно, досчитала до десяти.

— О. Смотрите. Опять зависла. Короче, тетя, отвали...

Она ткнула Рамуте плечом и протиснулась вперед.

Каждый из очереди обернулся, каждый посмотрел и на закипающую Рамуте, и на наглую девушку, но никто ничего не сказал.

Рамуте привыкла к миллионам здешних любопытных глаз, желающих подсмотреть в щелочку за соседом и позлорадствовать. К неприкрытому равнодушию тоже привыкла. Да это и не равнодушие вовсе, а безвольный, низкий, бесхребетный страх. Обыкновенный позорный страх. Никто не хочет вступаться и выяснять, кем работает или служит у этой мерзкой соски папа или папик.

— Ладно, будь по-вашему, проходите, — сказала Рамуте, вздохнула и снова досчитала до десяти.

— Ладно. Будь по-вашему, — передразнила ее девушка, встала перед Рамуте и уткнулась в смартфон. — Овца недоделанная, так бы сразу. А то строит тут из себя.

Рамуте сжала кулак и в очередной раз медленно, очень-очень медленно сосчитала до десяти.

Выдохнула.

«Ух ты. А кажется, помогло, — удивилась Рамуте и еще раз сосчитала до десяти. — Класс. И я совершенно не злюсь. Супер! А ведь старикан оказался прав, метод рабочий. Нет конфликта — нет проблем. Все, как

он говорил. Да, седовласый козлина был бы сейчас мной доволен».

Наверняка профессор не поверил бы своим глазам. Возможно, даже гордился бы Рамуте, если бы увидел столь волевой поступок своей непутевой вспыльчивой ученицы. Поступок, совершенно нехарактерный для нее. Взрослый поступок. Наверняка поставил бы ей зачет автоматом, еще и орден вручил бы за проявленное терпение.

— Тетя, слышь, хватит там бормотать и злобно сопеть мне в затылок, — произнесла хамка и отодвинулась от Рамуте.

Рамуте промолчала.

«Запомните. Внешнее проявление смирения, согласия и уступчивости дает проявившему эти качества полный контроль над собеседником, — так говорил седой профессор. — Отступая в споре на шаг, вы не унижаетесь перед оппонентом, а лишь обводите его вокруг пальца, манипулируете собеседником».

Рамуте не планировала ни манипулировать, ни тем более вести бесед с наглой малолетней задницей. Ей хотелось врезать, ударить стулом нахалку, скамейкой по спине.

«Отличная скамейка», — отметила Рамуте, разглядывая расставленные у стен сиденья.

Старушка расплатилась, убрала пакеты лекарств в сумочку, и очередь наконец-то двинулась.

— Обезболивающие, пожалуйста, вот по этому рецепту, — мужчина передал рецепт, развернул список и приготовил карту.

— Терминал не работает, — девушка в окошке показала на табличку.

— А. Хорошо, без проблем, — сказал мужчина, убрал карточку и приготовил наличные.